

Московские купцы цыганского происхождения в конце XVIII – начале XIX в.

Олег Ларюшкин

Moscow merchants of gypsy origin in the late 18th – early 19th century

Oleg Lariushkin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870000137-1

Среди дискуссионных и малоизученных вопросов истории цыганского этноса один касается времени их появления в России и в Москве¹. Н.Г. Деметер считает, что цыгане поселились в России в середине XVII в. с присоединением Левобережной Украины². Первые указы о цыганах в российском законодательстве были приняты в 1733 г. Они касались тех из них, кто проживал в Малороссии на территории Сумского и Ахтырского дистриктов³. Сенатский указ от 4 ноября 1784 г. предписывал Казённой палате Московской губ. «снабдить хлебом и скотом» цыган, поселившихся в Подмосковье⁴. Поселению цыган в Москве и в Подмосковье посвящена статья Л.Н. Черенкова. Исследователь ведёт отсчёт проживания цыган в Москве с 1807 г., а первым московским цыганом считает бывшего крепостного графа А.Г. Орлова-Чесменского из подмосковного села Пушкино Ивана Трофимовича Соколова. В имении графа с 1774 г. действовал организованный им цыганский хор, участники которого позднее получили вольную, переселились в Москву и были приписаны к мещанскому сословию. В статье указаны данные о местах их проживания – район современных улиц Большой и Малой Грузинских, Зоологической и Красина⁵.

Сохранившиеся архивные источники, однако, позволяют утверждать, что активный приток цыганских семей в Москву начался уже с конца 1780-х гг. Соответствующая информация содержится в делах фонда Городового магистрата (ЦГА Москвы). В 1788 г. в московское купечество и мещанство вступили три цыганских семьи: Ивана Петрова (девять человек мужского пола) из приписных крестьян с. Крюково экономической Венюковской волости Подольской округи; Ивана Мартынова (21 человек) – из государственных крестьян, приписных к с. Пушкино Богородской округи; Трофима Григорьева (пять человек), приписные к д. Вантеихе экономической Пушкинской волости Богородской округи⁶.

© 2018 г. О.В. Ларюшкин

¹ Бессонов Н. Миф о том, будто цыгане живут в России 500 лет (URL: <http://gypsy-life.net/mif-20.htm>); Друц Е., Гесслер А. Цыгане. М., 1990; Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган – новый взгляд. Воронеж, 2000; Therenkov L., Laedrich S. The Rroma. Vol. 1, 2. Basel, 2004; Ильинский А.М. Цыгане: триста лет в России. Очерки, воспоминания, цыганско-русский словарь. М., 2006; Бугай Н.Ф. Цыгане России. Общество, адаптация, консенсус (1900–2010). М., 2012.

² Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган... С. 187.

³ ПСЗ-И. Т. 9. № 6430, 6454.

⁴ ПСЗ-И. Т. 22. № 16088.

⁵ Черенков Л.Н. Цыгане Москвы и Подмосковья (URL: <http://gypsy-life.net/history26.htm>).

⁶ ЦГА Москвы, ф. 32, оп. 3, д. 3130, 3170, 3204.

Женщины в делах не упомянуты, поэтому в действительности численность семей могла быть вдвое большей. Лицу, вступавшему в число регулярных горожан, следовало заручиться свидетельством нескольких московских горожан в отсутствие штрафов и подозрений. Во всех трёх случаях поручителями цыган выступили коренные московские купцы.

В 1793 г. в купечество Садовой Большой слободы записали вместе с семьями цыган А. Григорьева и И. Степанова, ранее состоявших в услужении у графа С.А. Шереметева. Они не были крепостными, поскольку закрепительные бумаги на них отсутствовали, и в подушный оклад их не положили. Оба цыгана назвали себя православными. Проживая в Москве с 1792 г., они исповедовались в церкви Вознесения за Серпуховскими воротами, при этом имени священника не знали. Последняя деталь, возможно, отражает очень формальное их отношение к вопросам веры. Из ответов на опрос в Московской нижней расправе можно заключить, что они родились в Российской империи, проживали в разных местах, за пять лет до вступления в московское купечество были приписаны к графу Шереметеву, от которого получали ежегодно письменные виды для участия в ярмарках. Затем А. Григорьев с семьёй был приписан к семейству своего отца – московского купца Г. Морозова. Дело о записи в купечество последнего пока не обнаружено. Среди поручителей фигурируют исключительно купцы 3-й гильдии Садовой Большой слободы цыганского происхождения (как уже упомянутые И. Яковлев и братья П. и В. Семёновы, так и те, о ком сведения появляются впервые – Пётр Яковлев, Степан Иванов, Алексей Васильев и Никита Осипов Солдатов). Грамотой владел только Павел Семёнов – лишь он смог собственноручно расписаться в документе⁷.

Цыганскую вдову Мавру Осипову Чёртову, вступившую в 1795 г. с детьми Егором и Марфой в мещанство, статская советница А.В. Данилова отпустила на волю⁸. Максим Романов Тугаев с женой и детьми в 1796 г. был записан в купечество Кошельной слободы. Это единственный известный мне случай, когда цыгана записали не в купечество Садовой Большой слободы. Ранее он являлся приписанным к государственным крестьянам с. Борщева Воронежского наместничества Коротоякской округи. В крестьянстве Тугаев состоял недолго, с 1790 по 1795 г. Более ранние страницы его биографии неизвестны. Среди его поручителей выступили цыгане – купцы 3-й гильдии Садовой Большой слободы Иван Семёнов сын Шишкин, Трофим Григорьев и Григорий Степанов сын Куварев. Все трое «имели торг отъездом» и проживали в доме купца И.П. Заборова⁹. Андрей Данилов Резников, вступивший в купечество в 1797 г., до приезда в Москву также состоял в государственных крестьянах с. Трясорукова Бобровской округи Воронежской губ. С Тугаевым они были знакомы ещё до приезда в Москву, поскольку последний являлся поручителем Резникова. Кроме него поручителями стали цыгане Д.С. Хлебников и Г.С. Куварев, а также двое мещан и один купец русского происхождения¹⁰. Дела о вступлении цыган в число московских горожан позволяют не только выявить биографические данные об их прежнем месте жительства, роде деятельности, составе семьи и т.д. Присутствие среди их поручителей единокровцев и представителей местного населения позволяет предположить распространение связей как внутри, так и вне цыганской общины.

⁷ Там же, д. 6955, л. 5.

⁸ Там же, оп. 4, д. 1817.

⁹ Там же, д. 3600.

¹⁰ Там же, д. 4754, л. 4–5, 7.

Сведения о цыганах, состоявших в московском купечестве, обнаруживаются в капитальных и приходных книгах московского купеческого общества¹¹, а также в пятой ревизской сказке 1795 г. по купечеству Садовой Большой слободы. В информативном плане последний источник обладает рядом преимуществ. В капитальных книгах указан лишь мужской состав семьи, место проживания, принадлежность к слободе и к гильдии, сумма объявленного капитала. В ревизской же сказке помимо перечисленного можно почерпнуть и сведения о женщинах, данные о предыдущем месте проживания, предмете торговли и уровне грамотности. На момент пятой ревизии в купечестве состояли 33 цыганских семьи общей численностью 382 человека.

Всего зафиксировано шесть деревень и сёл, из которых цыгане прибыли в Москву, и три помещика, в услужении у которых они ранее состояли. 11 семей (треть от общего их количества) прибыли из с. Пушкино Богородской округи Московской губ.; пушкинские цыгане составили 38,5% от всех московских цыган-купцов (147 человек из 382). Пять цыганских семей из с. Данилова Голенищевской вол. Дмитровского уезда, три семьи из д. Котляковки волости с. Покровского, и одна из села Крюково Подольской округи вступили в купечество в один день – 10 августа 1788 г. Вероятно, несмотря на относительно отдалённое их расселение по Московской губ., они были знакомы. Две семьи из Тверского наместничества Старицкой округи Куниловской волости д. Климовой прибыли 8 июня 1790 г.; одна семья из Воскресенской округи Озерецкой волости с. Троицы 2 августа 1795 г. Десять из 33-х цыганских семей до вступления в московское купечество состояли в услужении у дворян: пять семей прибыли в 1795 г. из отпущенных на волю генерал-майором М.Я. Сипягиным, четыре состояли у гр. С.А. Шереметева, одна – у действительного тайного советника С.М. Власова¹². Таким образом, подавляющее большинство московских цыган составили выходцы из подмосковных сёл и деревень; бóльшая их часть ранее состояла в государственных крестьянах. Численную основу цыган московских купцов составили выходцы из с. Пушкино Богородской округи.

Концентрации цыганских семей в центральной части Москвы не наблюдалось. Так, в Мясницкой части снимали жильё всего три семьи. Большая часть цыган жила на территории Земляного города (17 из 33 семей). Другим местом их компактного проживания стала Сретенская часть: в приходе церкви Богоматери Успения на Устретенке в доме живописца Гаврилы Антонова жили десять цыганских семей (124 человека). Ещё одна семья снимала жильё у квартального В.А. Макарова (приход Спасской церкви). Таким образом, 11 из 33 цыганских семей проживали на севере Земляного города. В его западной, Арбатской части в приходе церкви Николы Чудотворца на Курьих ножках в доме А.М. Храповицкого проживала лишь одна цыганская семья; три семьи (31 человек) снимали жильё на юге Земляного города, в Хамовниках, в приходе церкви Неопалимой Купины в Зубове в доме Неплюевых. В доме полковника И.И. Глебова разместились 12 цыганских семей (139 человек). У живописца Г. Антонова в Сретенской части жили 124 человека¹³. В домах И.И. Глебова и Г. Антонова сосредоточилась бóльшая часть ($\frac{2}{3}$) цыганского купеческого населения Москвы. Ещё три семейства (45 человек) жили за пределами Земляного города в западной Пресненской

¹¹ Часть из них опубликована: Капитальные книги Московского купеческого общества // Московское купеческое общество. Т. 1–4 (1788–1797 гг.). М., 1912.

¹² ПГА Москвы, ф. 51, оп. 8, л. 59, л. 625, 631, 635, 636, 663.

¹³ Там же, л. 617–620, 642, 663, 664.

части. Лишь три семьи снимали жильё в одиночку, отдельно от своих единокровцев, остальные селились рядом; в двух случаях в одном доме снимало жильё более десятка цыганских семей.

Наличие сильной диаспоральной связи между семьями выявляется при изучении характера браков в цыганской среде. Будучи православными, они могли беспрепятственно вступать в браки с русскими; но при наличии диаспоры или табора, вероятно, браки всё-таки заключались внутри них. Мне удалось выявить лишь один брак цыгана с представительницей местного населения: жена мещанина Садовой Большой слободы Демьяна Григорьева Анна Алексеева была дочерью сержанта московского батальона А. Михайлова¹⁴. Семейный фактор объясняет и то, что в одном доме проживали цыганские семьи, прибывшие из разных сёл, но объединённые родством по свойству (родственники как со стороны мужа, так и со стороны жены). Сложные большие семьи цыган (25 из 33) включали несколько простых (например, семьи живущих вместе братьев) и представителей более чем двух поколений. В них было сосредоточено 93,7% всего цыганского населения Москвы (358 человек). На 1795 г. четыре семьи включали в себя четыре поколения¹⁵. Самая большая семья во главе с купцом Ф. Васильевым включала в себя его четверых сыновей, 18 внуков, двое из которых имели жён, и одну правнучку. Здесь следует принять во внимание и то, что родственники со стороны жены могли жить под одной крышей с роднёй мужа, но в ревизии числиться отдельно. Вместе с ними иногда проживали и другие родственники. Таким образом, реальная численность цыганского семейства оказывалась гораздо больше той, которую можно вычислить по отдельно взятой ревизской сказке. Этот факт даёт основание констатировать существование цыганской общины в Москве на момент проведения пятой ревизии.

Предпринимательская деятельность практически у всех цыганских семей была одинаковой — конная торговля за Серпуховским воротами Земляного города. Лишь в двух случаях отмечен другой предмет торга — семьи вдов В. Ивановой и М. Ивановой промышляли мелочным товаром¹⁶.

В ревизской сказке горожанин обязан был поставить подпись («приложить руку»), и это позволяет выяснить грамотность в цыганской купеческой среде. Так, из 33 глав цыганских семейств самостоятельно смог поставить подпись только мещанин Демьян Григорьев. Ещё в двух случаях за глав семейств (Григория Степанова и Осипа Петрова Солдатова) подписались сыновья. К сыну последнего — Никите — обратились 17 глав цыганских семейств с просьбой «приложить руку» к их сказкам¹⁷. Семья Солдатовых прибыла в московское купечество из Тверской губ., однако Никита Осипов ставил подписи за цыган из разных деревень и губерний. Это указывает на наличие сплочённой цыганской общины. Но и говорить о замкнутости их по отношению к местному населению также не приходится: в остальных 13 случаях подпись за неграмотных цыган поставили московские мещане.

Сведения о московских купцах-цыганах на начало XIX в. можно почерпнуть в капитальных книгах московского купечества 1802 г. по Садовой Большой слободе. В них представлены данные лишь о семьях 17 купцов «из цыган»;

¹⁴ Там же, л. 663.

¹⁵ Там же, л. 626, 629, 648, 652.

¹⁶ Там же, л. 626, 640.

¹⁷ Там же, л. 631, 664.

информация о 16 семьях, упомянутых в пятой ревизской сказке, отсутствует¹⁸. Можно предположить, что часть цыганских семей покинула Москву или же на 1802 г. они не объявили капитала и попали в ряды московского мещанства. В капитальной книге фигурирует лишь одна семья, сведений о которой нет в более ранних источниках. Три цыганские семьи в 1802 г. снимали жильё на территории Белого города, в Мясницкой и Тверской частях, восемь проживали в Сретенской части, две — в западной (Арбатской) части Земляного города; по одной семье — в Новинской части (за пределами Земляного города) и в Замоскворечье¹⁹. В целом характер расселения цыган в Москве за семь лет мало изменился: все они не владели собственным жильём, значительная их часть квартировала в Сретенской части Земляного города. Не изменилась существенно и ситуация с грамотностью: кроме купеческого сына Н.О. Солдатова писать на тот момент умел лишь сын Д.С. Хлебникова Андрей²⁰.

На момент проведения шестой ревизии (1811) в Москве проживали 25 цыганских семей, хотя указание на национальную принадлежность можно встретить лишь в отношении вступившего в 1803 г. в купечество Ивана Яковлева. В остальных случаях указание на происхождение отсутствует, поскольку они прибыли в состав купечества ещё до пятой ревизии (1795). Это означает, что семь семей, сведения о которых есть в пятой ревизской сказке, но отсутствуют в капитальной книге 1802 г., не покинули Москву, а, вероятно, состояли в мещанстве. На самом же деле на момент шестой ревизии их уже было не семь, а 11, поскольку некоторые из них распались на более мелкие и простые семьи. Однако тенденция к росту и усложнению в ряде цыганских семей сохранялась. Например, в упомянутой выше семье купца Фёдора Васильева было 38 человек, включая его четверых сыновей с женами, 20 внуков и 9 правнуков. Три семьи включали в себя более 30 членов, шесть — от 20 до 29, десять — от 10 до 19 и шесть — менее 10 человек. Всего численность состоявших в купечестве цыган вместе с членами семей составляла на 1811 г. 415 человек²¹: за 16 лет (1795–1811) она увеличилась на 33 человека (при том, что за указанный период из московского купечества вышло восемь семей, а прибыла всего одна).

В центральных административных частях Москвы, как и ранее, цыганского населения было мало — отмечено лишь пребывание семьи купца Дементия Мартынова, вместе с 12 домочадцами снимавшего жильё в приходе Сергия Чудотворца в Крапивниках (Тверская часть, Белый город) в доме дьякона Михаила Васильева²². Больше цыганских семей (11) проживало в Земляном городе. Всего там квартировало 215 человек (51% от всех цыган-купцов)²³. За пределами Земляного города, в Мещанской и Новинской частях, также наблюдается заметная концентрация цыганского населения — восемь семей (105 человек или 25% всех состоявших в купечестве цыган и членов их семей). В Замоскворечье снимали жильё ещё пять семей (92 человека)²⁴. Более половины цыган проживало в Земляном городе, главным образом в Сретенской части. В целом с 1795 по 1811 г. цыгане продолжали жить в прежних районах Москвы, хотя и не арендовали помещений

¹⁸ Там же, ф. 397, оп. 1, д. 172.

¹⁹ Там же, л. 99 об., 101, 102, 121, 123 об., 129, 132 об., 135, 137, 145, 158 об., 160.

²⁰ Там же, л. 158 об.

²¹ Материалы по истории московского купечества. Т. 5. М., 1887. С. 104–106, 107, 109.

²² Там же. С. 106.

²³ Там же. С. 105–107.

²⁴ Там же. С. 104, 106.

у одного человека на длительный срок. В подавляющем большинстве случаев (22 из 25), цыгане снимали жильё несколькими семьями.

Состояние цыганского купеческого населения после войны с Наполеоном, московского пожара и временного оттока населения позволяют оценить материалы седьмой ревизской сказки по московскому купечеству (1815). Она указывает в Москве 17 цыганских семей (359 человек). Самая крупная из них состояла из 45 человек (как и в предыдущей ревизии, это была семья Якова Фёдорова, пополнившаяся четырьмя новорождёнными детьми и тремя невестками). Общая численность цыган сократилась на 56 человек, однако в Садовой Большой слободе, основном месте проживания московских цыган, наблюдалось увеличение их численности с 1478 до 1881 человека. В значительной степени увеличению численности купечества Садовой Большой слободы способствовала миграция (300 человек), естественный прирост оказался заметно меньше (103 человека).

В Серпуховской части, на территории которой располагалась Конная площадь, основное место торговли московских цыган, проживали четыре цыганские семьи (107 человек). В Пресненской части в приходе Ермолая на Козьем Болоте (на месте современных Патриарших прудов) в доме госпожи Кологривовой проживали семь семей (119 человек, что составляло 34.5% московских цыган-купцов). В соседней Арбатской части проживало пять семей (84 человека). Все они, как и семьи из Пресненской части, снимали жильё в приходе церкви Ермолая Мученика. К западу от Арбатской, в Новинской части в приходе церкви Николая на Щепях в доме купца С.А. Даруева жила семья цыгана Якова Фёдорова (45 человек). Место жительства семьи умершего на седьмую ревизию купца Павла Антонова (11 человек) неизвестно²⁵.

Таким образом, за четыре года центр расселения купцов цыганского происхождения сместился с севера Москвы, Сретенской части, на запад, в Пресненскую и Арбатскую части. Ни одна цыганская семья уже не снимала жильё в центральных частях Москвы. Немного было их и в пределах Земляного города, где никто из них не имел собственного жилья, снимая его на недолгое время.

Седьмая ревизская сказка сохранила сведения о происхождении жён московских купцов-цыган. Так, Василий Савельев после смерти первой супруги в 1812 г. вступил в брак с Аграфеной Афанасьевой, мещанкой Садовой Большой слободы «из цыган». Александр Осипов взял за себя Варвару Алексееву «из мещанок Садовой Большой слободы из цыган»²⁶. При отсутствии сведений о происхождении невесты факт заключения брака внутри диаспоры выявляется при просмотре составленных поколенных росписей цыганских семей, сопоставлении имён и отчеств, дат рождения выбывших на седьмую ревизию дочерей цыганских купцов с именами взятых в цыганские семейства жён²⁷. В ряде случаев такое сопоставление оказывается невозможным: не исключено, что некоторые невесты были взяты из московского мещанства.

Среди материалов фонда Городового магистрата за 1803–1813 гг. встречается восемь дел судебного характера, в которых московские купцы цыганского происхождения фигурируют в качестве обвиняемых в различных правонарушениях. В четырёх случаях речь идёт о кражах, из которых три дела касаются кражи лошадей и последующей попытки перепродажи; один раз объектом кражи

²⁵ Там же. Т. 6. М., 1887. С. 191–193, 194, 204.

²⁶ Там же. С. 192.

²⁷ Там же. С. 106, 193.

стали бумажник и документы²⁸. Четырежды цыган обвиняли в нанесении побоев и оскорблений на бытовой почве (в трёх случаях истцами выступили также цыгане)²⁹. Тяжких преступлений в цыганской среде не зафиксировано.

Анализ источников позволяет сделать выводы о начальном этапе истории цыганской диаспоры Москвы. Наиболее ранней документально зафиксированной датой их пребывания в Москве следует считать 1788, а не 1807 г., как считалось ранее. Большинство прибывших в 1788 г. в Москву цыган до вступления в московское купечество и мещанство состояли в вольнонаёмной прислуге у дворян либо в государственных крестьянах преимущественно подмосковных сёл и деревень (Пушкино, Данилово, Ивантеиха, Крюково, Котляковка), сёл Воронежского наместничества и Тверской губ. Учитывая наличие связей (по поручительствам при вступлении в купечество) между подмосковными и воронежскими цыганами, можно предположить, что подмосковные цыгане прибыли из Воронежского наместничества, а те, в свою очередь, с территории Восточной Украины.

Первые вступившие в московское купечество цыгане были российскими уроженцами, адаптировавшимися к местной среде, принявшими православие. В источниках они фигурируют с русскими именами и фамилиями. Несмотря на православное вероисповедание, нивелировавшее их со стороны церкви и государственной власти с другими российскими подданными, говорить об утрате ими этнической идентичности не приходится. Московские цыгане, упомянутые в документах 1788–1815 гг., жили общиной или табором с характерными признаками: заключение (за редкими исключениями) браков внутри своей этнической группы; компактное проживание семей в одном районе и даже доме; одинаковый предмет промысла – конская торговля. При этом цыганские семьи не стремились обзавестись в Москве собственным жильём и часто, несмотря на многочисленность семей, переезжали на другое место, в чём проявлялась одна из ментальных особенностей этого этноса.

---

²⁸ ПГА Москвы, ф. 32, оп. 4, д. 7365, 8731, 8877, 8615.

²⁹ Там же, д. 7814, 7953, 8089а, 8166.